

Рассказы очевидцев бомбардировки колонны беженцев 29 октября 1999 года

1. Саралиева Зарита Хамзатовна приютила в своей квартире 11 родственников из ЧРИ. 22 ноября 1999 года они пришли на прием в Комитет "Гражданское содействие". **Зина Хамзатовна Хамидова** рассказала следующее.

Военные 28 октября обещали, что на следующий день с 9 до 10 часов утра будет предоставлена возможность выйти из Чечни. К 9 часам между Очхой-Мартаном и Шами Юртом протянулась на 11 километров колонна машин и людей. В 10 часов объявили, что выпускать не будут. Машины и люди начали расплзаться. В это время в небе появились два самолета. Они поднимались и опускались много раз и бомбили колонну. Началась страшная паника. Вместе с Зиной Хамзатовной были ее дети, невестка, ее мать и брат. Во время бомбежки из семьи Хамидовых погибло три человека. Сын Зины **Рустам Хамидов** потерял молодую беременную жену, **Элону Исаеву**, 1983 г/р. Они сыграли свадьбу летом. Элона вела дневник, из которого узнали о ее беременности. Дневник полон теплых слов о близких ей людях. Вместе с ней погиб ее брат **Исаев Саид-Магомед**, 1990 г/р, и родственница **Асма Магомедова**, 1954 г/р. Зина была ранена в руку. По ее словам, в соседнем грузовике из 30 человек остался жив только один. Никто не слышал, чтобы летчики понесли наказание за массовое убийство. Руководитель ФМС в беседе с С.А. Ганнушкиной подтвердил, что описанные события имели место. Он сказал, что по данным фактам ведется следствие.

(Записано в Комитете "Гражданское содействие" 22 ноября 1999 г.)

2. Рассказ беженки из Чечни Луизы Бакаевой

В 1994 г., когда началась война, я ждала ребенка, была беременна на 9-м месяце. 26 ноября, когда началась бомбежка, меня со схватками отвезли в роддом, там никого не оказалось и меня привезли домой. Потом 29-го опять началась бомбежка, и у меня открылось кровотечение. Меня отвезли в другую больницу, и я родила преждевременно 30.11.94 г.

В 1994 г. в конце декабря разбомбили мой дом пятиэтажный, который находился у железнодорожного вокзала, рядом с домом КГБ и МВД, на проспекте Орджоникидзе, дом 1, кв. 31. С тремя детьми и младшим сыном на руках мы отправились с мужем в село. У ребенка во рту была молочница, потница, пупок весь в крови, я сама не могла ни сесть, ни ходить, потому что у меня были тяжелые роды.

В 1995 г., когда мой муж ехал в город из села проведать моего отца и своих родителей, его на дороге остановили военные люди вооруженные и забрали у него машину "Камаз" (муж Луизы по профессии -водитель, - ред.)

В 1996 г., когда российские войска были в Грозном, ночью, в 23.30 взорвался дом дедушки и бабушки. Там с ними была моя страшная дочь, и она обгорела там, получила ожоги 65 %. Это было в старый новый год, 13 января, ночью. Ее

нельзя было отвезти в больницу, потому что был комендантский час. Один наш сосед, наркоман, колот ее в вены и дотянул ее до утра. Утром ее отвезли в ожоговое отделение, где не было никаких условий, ей делали перевязки через день под наркозом. Через два месяца она умерла - 13 марта в годовщину своей свадьбы. Ей было 18 с половиной лет.

Потом в августе вошли снова боевики. Мы жили у знакомых, напротив воинской части. 7 августа на дворе раздался взрыв, на улице кричали, звали на помощь. Я это слышала, но не хотела выходить. Я была уверена, что это попало в мужа, но до последнего была какая-то надежда. Когда я услышала во дворе много мужских шагов, я открыла дверь и закричала на своем языке: "Чего я боялась, то ты мне принес".

Соседи мне сказали: "Не кричи, неси подушку и бинт". Но он не слышал меня, он лежал, как труп. Потом его отвезли соседи на машине в больницу под бомбежками.

Я была уверена, что он уже больше не встанет, и думала только о том, куда деться мне с детьми. Когда на следующий день его привезли из больницы домой, я, честно, была удивлена. Потом начали ходить соседи. Он навстречу одному соседу-старикуну хотел приподняться, и у него открылись все раны. Потом нас всех наш сосед отвез к себе в село Чечен-Аул. Туда приехал мой брат и забрал нас в Нальчик, он сказал: "Нельзя, чтобы он гнил на глазах у всех". В Нальчике его положили в больницу. Меня обследовали тоже и сказали, что положат меня в больницу. Но я не могла лечь на лечение, так как в день два раза ходила в больницу и ухаживала за мужем и на руках был полторагодовалый и еще двое детей - одному 6, другому 5.

Когда дома все утихомирилось, мы вернулись домой. Мужа взяли на работу сторожем в стоматологическую больницу, там работала жена его брата зубным врачом. Детей я устроила в школу, отремонтировали крышу, заштукатурили, сделали отопление в доме, где нам дали жить. В эту зиму я как никогда сделала варенья, соленья, купила муку, осталось только картошку купить, побелила, покрасила и думала, что этот Новый год встретим, как нормальные люди.

В этот раз (то есть осенью 1999 г. - ред.) я думала, никуда не выйду, потому что отец сказал, что он никуда не пойдет. Не дай бог никому выбирать между родителями и детьми. Я не могла бросить родителей, не зная, увижу я их еще или нет, и смотреть на детей, которые ждут от тебя какого-то решения.

Я выросла в рабочей семье, мать была портниха, отец - водителем, и никогда мне не приходилось завидовать чужим детям, несмотря на то, что мои родители - неграмотные. А мои дети сегодня нуждаются во всем: и в здоровье, и в питании, и в учебе - о развлечениях я не говорю. И мне стыдно смотреть в глаза им, потому что я не могу дать им ничего. И они, особенно старший, которому 10 лет, он понимает, что я, несмотря на все мои беды, стараюсь сделать хоть что-то из ничего.

Мы ждали открытия коридора через Ингушетию, прошло 9 дней, сказали, что разблокирование поста будет 29 октября. В этот день мы отправились на границу в 5 часов утра, был дождь и туман, было плохое предчувствие, и я об этом сказала отцу. Я сказала: “Папа, неизвестно, что будет с тобой дома и что случится с нами в дороге”. Он мне сказал: “Что может быть в дороге, вы же - беженцы”. Я сказала, что они бомбят по ним. Но он сказал: “Этого не может быть”.

Мы простояли на посту до 10 ч. 40 мин. Нам сказали военные, что сегодня нет приказа, и еще 5 дней не будут открывать границу. Мы тогда спросили у военных, есть ли гарантия, что нас не будут бомбить. Они ответили, что на 15 км от них налево, направо и вперед не будут бомбить, а дальше они не знают.

Мы проехали примерно 20-25 км, мой старший сын сказал: “Мама, посмотри, самолеты впереди, и от них белый пар, они собираются бомбить”. Сосед, которого мы на обратном пути посадили в машину (он шел пешком), сказал: все в лес бегом. И мы побежали, мы все молили бога, чтобы он нас спас от этого ада. У меня, точнее подо мной лежала моя дочь, старший сын под отцом, он его прикрывал собой, а младший был на руках соседа. После первого налета мой младший сын сказал соседу: “В меня попало”. Сосед не хотел, чтобы я слышала об этом. Он спросил: “Куда тебе попало”. Ребенок сказал: “В руку”. Сосед посмотрел: кисть руки вроде не в крови.

Потом был второй налет. У меня в ушах что-то треснуло, и я крикнула соседу: “Закрой пальцами уши ребенку”. Потом мы ушли вглубь леса, когда они начинали третий налет. Людей в машинах, которые были впереди нас, убило насмерть. В той, которая была позади нас, - тоже насмерть, там лежали изуродованные трупы. У нашей машины, когда мы вернулись, были выбиты стекла и машина была вся побита. Всевышний к нам пришел на помощь, и наша машина завелась и мы добрались до отцовского дома. Отец был в шоке, он сидел за столом и держал руками голову. Он сказал: “Значит, им дали приказ бить по беженцам по трассе”

Мой младший сын, когда мы вернулись, сказал: “Мама, ну дай я посмотрю свою руку, подтяни мне рукава”. Оказывается, он все терпел от этого страха и испуга. Рука была вся в крови, и такую рану я не видела. Она была какая-то непонятная. Мы его повели на дом к медработнику. Она посыпала руку каким-то желтым порошком, она была вся опухшая и красная.

Муж и дети наотрез отказались больше ехать по этой дороге, даже если будет открыта граница. И мы потом отправились пешком на границу с Дагестаном. Оттуда мы отправились в Герзель. Ночью был поезд на Москву. Мы сели и приехали сюда к знакомой, и до сих пор я у нее.

Прошу мне помочь и моей семье просто как человек.

(Текст 26 ноября 1999 г. был подан в Комитет “Гражданское содействие” как заявление об оказании помощи.)